

Н.Д. Щелков

Похождения мазурика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Щ44

Щ44 **Щелков Н.**
Похождения мазурика / Н.Д. Щелков – М.: Книга по Требованию, 2026. –
304 с.

ISBN 978-5-521-38868-4

ISBN 978-5-521-38868-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Было передъ разсвѣтомъ. Въ Петербургѣ весь шумъ, трескотня отъ экипажей и говоръ людей утихли и только кой-гдѣ гремѣла карета, уносившая изъ гостей домой, къ Мореею на мягкое ложе, какую нибудь важную или богатую личность послѣ роскошнаго бала или ужина, или запоздалый гость тащился на «ванькѣ», понукавшемъ свою тощую лошаденку, или, наконецъ, спѣшилъ домой пѣшеходъ, на-веселѣ, послѣ шумной, пріятельской пирушки, напѣвая себѣ что-то подъ носъ. Въ одной изъ улицъ столицы отстроивался домъ, окруженный деревяннымъ заборомъ, за которымъ въ клѣтки былъ сложенъ кирпичъ. Ворота этого забора были

полурастворены и между клѣтками кирпичей притаившись, сидѣло живое человѣческое существо и спало. На этомъ жалкомъ существѣ была фуражка, надвинутая на глаза: черное не новое пальто и сѣрые брюки неопредѣленнаго достоинства составляли остальной его нарядъ. Несчастный спалъ, сидя на корточкахъ и заложивъ обѣ руки въ обшлага своего пальто; онъ часто вздрагивалъ, просыпался и, сдвинувъ фуражку съ глазъ, посматривалъ на небо и проговоривъ: «*еще немножко!*» опять наклонялъ голову и засыпалъ.

Воспользуемся случаемъ; пока спитъ этотъ несчастный, и познакомимся съ нимъ покороче.

Отецъ его, по фамиліи Жоховъ, былъ купецъ достаточный; человѣкъ стариннаго покроя, простой, имѣлъ только одного сына, Оедю, героя нашего разсказа. Оедя жилъ при отцѣ въ совершенномъ повиновеніи, скромно, потому-что отецъ строго наблюдалъ за нимъ и не давалъ ему большой повадки въ деньгахъ. Матери своей Оедя лишился еще будучи ребенкомъ. Когда ему было подъ двадцать лѣтъ, въ домъ къ нимъ пріѣхалъ родной братъ отца его, то есть Оединъ дядя. Иванъ Пантелѣичъ, такъ звали дядю, торговалъ гдѣ-то за Москвой, но проторговался и что называется по купечески, *вылетѣвъ въ трубу*, пріѣхалъ къ брату просить о помощи.

Но старикъ отказалъ ему на-отрѣзъ, сказавъ, что у него у самого сынъ есть и что помочь ему не можетъ, и Иванъ Пантелѣичъ жилъ пока въ домѣ, выжидая удобнаго случая воспользо-ваться чѣмъ нибудь. Зная строгій характеръ и и аккуратность своего брата, онъ держалъ себя въ его присутствіи всегда почтительно и исполнялъ всѣ его порученія и приказанія безпрекословно. Иванъ Пантелѣичъ былъ человѣкъ хитрый и готовый на все за интересъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человѣкъ веселый и, хотя имѣлъ уже за сорокъ лѣтъ; но когда, бывало, братецъ его уѣзжалъ куда нибудь на долго, то Иванъ Пантелѣичъ и подопьетъ порядочно, да такъ, что даже задастъ и выпляску въ Оединой комнатѣ, безъ музыки, а такъ припѣвая: «Ахъ что?... отъ чево? для чево, почему? да какъ же?... не иначе, вотъ такъ же!...» Отецъ Оединъ, не зная объ этихъ продѣлкахъ своего братца и видя его всегда исправнымъ и трезвымъ, просилъ его наблюдать за сыномъ и не давать потачки шалостямъ — что при глазахъ старика и исполнялось всегда аккуратно. Бывало дядюшка такъ прикрикнетъ на племянника, Оедю, что то или другое не такъ, что и старику жалко станетъ сына, а Иванъ Пантелѣичъ, бывало, кричитъ на племянника, а самъ мигаетъ ему глазомъ, то есть, дескать: ничего, не бось! это

вѣдь только такъ нужно показать! и послѣ всегда скажетъ Оедѣ: «Что: почтеннѣйшій племянничекъ! набрались вы страху намерднн! нельзя—съ безъ ефаво-съ!... папенька—съ велятъ—съ! ты, говоритъ, построже съ Оедей!.... вы не обижайтесь, голубчикъ, на меня, я вѣдь: ни, Боже мой!»

Оедя не получилъ никакого образованія, хотя умѣлъ читать, писать, бойко клалъ на щетахъ и имѣлъ хорошія способности. Съ характеромъ довѣрчивымъ, мягкимъ и добрымъ сердцемъ, онъ былъ и веселой души молодой человѣкъ. Будучи въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ прикащиками лавокъ, магазиновъ и многими купеческими сынками, онъ зналъ до тонкости всѣ хитрости, продѣлки, поговорки и уловки Гостиннаго и Щукина дворовъ. Ни одинъ изъ его пріятелей, бывало, не повеселитъ такъ, какъ Оедя: чего онъ не выдумаетъ и чего не поразскажетъ? даже дядя его, Иванъ Пантелѣичъ, считавшійся *«зѣло бойкимъ на брехню»*, уступалъ ему въ изобрѣтательности.... Такъ дожилъ Оедя до 22 лѣтъ и уже отецъ собирался его женить, какъ въ одинъ прекрасный день, въ лавку къ нему прибѣжали сказать, чтобы поспѣшалъ домой: *«Тятинькѣ-де оченна худо — ударъ случился!»* Оедя прибѣжалъ домой, но засталъ отца уже мертвымъ. Похоронивши тятиньку, Оедя сдѣ-

лался единственнымъ наслѣдникомъ всего отцовскаго имѣнія, товаровъ и капиталовъ.

Воспользовавшись столь благопріятнымъ для себя случаемъ, Иванъ Пантелѣичъ обратился къ племяннику съ покорнѣйшею просьбою: удѣлать и ему что нибудь по смерти любезнѣйшаго его братца, объясняя при томъ, что все же онъ родня былъ, а не чужой какой; да къ тому же бѣда стоитъ на носу: нужно поразплатиться кое-съ кѣмъ, долгишки; если не помощь, такъ пропадать придется и худо будетъ, Одна надежда голубчикъ дорогой, говорилъ онъ слезно, на тебя: помоги!» Снисходя убѣжденіямъ и увѣреніямъ дяди, племянникъ показалъ въ этомъ случаѣ всю доброту своей души и, соболѣзнуя несчастіямъ и потерямъ дядинымъ,—подарилъ ему нѣсколько тысячъ рублей, какъ ближайшему родственнику отца. Но дядя, Иванъ Пантелѣичъ, все вралъ племяннику, лишь бы выманить что нибудь и, видя слабый и уступчивый характеръ Оеди, онъ затаилъ въ душѣ намѣреніе воспользоваться, если возможно будетъ, чѣмъ и какъ придется и успѣлъ въ этомъ совершенно. Первымъ дѣломъ его было внушить племяннику продать лавку и товаръ и обратить все въ наличный капиталъ, исключая дома. «Къ чему тебѣ торговать? говорилъ онъ Оедѣ; слава-те Господи! на твою жизнь хватитъ! живи

себѣ покойно, да денежками обороты производи». Легковѣрный Одея, охотно почти, согласился на убѣжденія и доводы дяди и лавка скоро съ товарами была продана. Продажею этой лавки завѣдывалъ дядя и ему пролѣзло въ карманъ нѣсколько сотенъ рублей. Не имѣя никакихъ занятій, совершенно вольный, независимый, съ большими деньгами въ рукахъ и подстрекаемый любезнѣйшимъ своимъ дядюшкой и пріятелями, которые ему льстили, угождали и угощали на его же счетъ, онъ началъ сорить деньгами, не жалѣя и не щадя ихъ. Дядюшкѣ же это было на руку, потому-что Одея, давая ему безъ счету деньги на расходы, никогда не спрашивалъ у него отчета и остатка ихъ. «Да это лучше всякой торговли! думалъ Иванъ Пантелѣичъ: тутъ и хлопотать не нужно. поди возись съ товаромъ! обожду еще торговать! Что же мнѣ еще надо: на всемъ на готовомъ и деньги всегда готовы, такъ сами и просятся пролѣзть въ карманъ!...» Выучился у пріятелей Одея и въ карты и на билліардѣ играть въ трактирѣ, да такъ, что иногда въ вечеръ пролетала и тысяча. Завелъ Одея рысаковъ, экипажи, убралъ свои комнаты не по купечески, даже роскошно, а дядя все молчалъ и наблюдалъ свой интересъ, угадывая конецъ племянника. Зналъ онъ даже его любовныя шашни, куда также не мало

шло денегъ на шляпки, платья, бурнусы и т. п., но боялся обидѣть столь дорогаго для него племянника и только въ этомъ случаѣ не могъ воспользоваться ничѣмъ, боясь обнаружить передъ племянникомъ свою наглость и скромничая. Увлекаясь все болѣе и болѣе, Одея наконецъ показалъ, въ самое короткое время, все свое искусство мотать деньги и черезъ два года послѣ смерти отца, болѣе сотни тысячъ рублей нашли себѣ мѣсто въ другихъ рукахъ, изъ коихъ дядюшкины руки зацѣпили гораздо болѣе десятка тысячъ. Сталъ Одея нуждаться въ деньгахъ, многимъ уже надавалъ и векселей, продалъ лошадей и экипажи и наконецъ прибѣгнулъ къ дядюшкѣ за совѣтомъ: гдѣ достать финансовъ? Дядя досталъ разъ денегъ за немалые проценты, сказавъ, что перехватилъ у знакомаго на время, а между тѣмъ одолжилъ любезнѣйшему своему племяннику свои собственныя покраденныя, такъ, даже безъ векселя, въ видѣ опыта. Но скоро промоталъ ихъ Одея и опять обратился къ дядюшкѣ. «Голубчикъ! у знакомыхъ ни у кого-нѣтути: вездѣ обѣгалъ!» говорилъ ему дядя. «Жаль мнѣ тебя, да нечего дѣлать, надо родственнику помощь оказать: возьми коли хочешь всѣ мои деньги, что я получилъ недавно съ своей стороны, только вѣдь тебѣ самому, родной

мой, извѣстно: береженаго Богъ бережетъ! такъ-та-ся и я хочу себя поберечь. Дать то дамъ я тебѣ денегъ, только обезпечь, какъ хочешь обезпечь, любезнѣйшій! а безъ ефаво: ни-ни! Вотъ хотя бы подъ твой домъ, т. е. подъ залогъ ево, изволь, съ удовольствіемъ дамъ, отчево же не помочь!» Одея даже и не задумался на предложеніе дядя и согласился охотно отдать подъ залогъ свой домъ. «Куй желѣзо пока горячо!» думалъ про себя Иванъ Пантелѣичъ и захлопоталъ: тайно отъ племянника, скупилъ онъ его векселя съ уступкою, рассчиталъ проценты по закладной впередъ за годъ, и выдавая деньги подъ закладъ дома, онъ вычелъ всѣ скупленные векселя и проценты и остальную суму додалъ племяннику. Зажилъ опять Одея по прежнему и въ полгода уже все прожилъ. Пришелъ срокъ закладной: дядя приступилъ къ племяннику. «Нѣту!» былъ отвѣтъ Оединъ. Въ гражданскую палату закладную, и—продали домъ съ аукціона. Дядя получилъ деньги и уѣхалъ въ свою сторону за Москву, не простившись даже съ племянникомъ. Остался одинъ Жоховъ (уже его и Оедей никто больше не называлъ) на произволъ судьбы и тяжело было ему выбираться изъ своего собственного дома. Переѣхалъ онъ на квартиру, но все его послѣднее состояніе, заключавшееся въ вещахъ, скоро шло къ концу. По недостатку

въ деньгахъ вещи онъ позаложилъ или продалъ за безцѣнокъ; знакомые уже чуждались его; пріатели отстали и даже нѣкоторые, при встрѣчѣ съ нимъ, не кланялись. Лишенный всего, и друзей и денегъ, и имѣя впереди безнадежность улучшить свое положеніе, Жоховъ упалъ духомъ и сталъ инымъ человѣкомъ: его характеръ, мягкій и уступчивый, перемѣнился на дерзкій и наглый, и каждый, день онъ долженъ былъ. Явились другаго рода пріатели и онъ перенялъ у нихъ удивительную способность что нибудь выманить или прожить и поѣсть на чужой счетъ. Платье его поизносилось, лицо обрюзгло и къ довершенію всего хозяинъ квартиры отказалъ ему по неплатежу денегъ за наемъ. Жоховъ перѣѣхалъ на другую, третью, четвертую квартиру и все одно и то же. Наконецъ онъ сталъ, что называется: «голъ какъ соколъ!» и началъ промышлять всевозможными хитростями, шляясь по трактирамъ и домамъ, прося вспоможенія, не упуская при случаѣ, кого придется, обмануть или даже, что плохо лежитъ, — стянуть. Совѣсть его заглохла и въ душѣ стало пусто какъ и въ карманѣ, и вотъ теперь, безъ квартиры и пристанища, ничего не имѣя рѣшительно, кромѣ надѣтаго на себя платья и грязнаго бѣлья подъ открытымъ небомъ, между клѣтками кирпичей, уже третьи сутки проводилъ

онъ ночь и то, благодаря сонливости сторожа, незамѣчавшаго какъ онъ проскользалъ въ ворота.

Солнце уже взошло, когда спавшій Жоховъ вздрогнулъ, неожиданно, какъ будто чего-то испугавшись, поспѣшно вскочилъ, снялъ картузь, дико посмотрѣлъ на всѣ стороны и сталъ потягиваться.

«А, а—а!.... славно бы чайку напиться, да негдѣ ефтихъ взять!» сказалъ онъ вполголоса, потирая большой палецъ правой руки объ указательный и посматривая на него съ ѣдкою улыбкою. Ахъ-ха-ха-ха! а хорошо бы да нѣтутъ!.... Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ!... хорошо, что уснулъ маленько и никто не помѣшалъ.... Что брать, Жоховъ? что ты севодня понадѣлаешъ ли хорошихъ дѣловъ?... вчера былъ денекъ неудачный; малость перепала, да и та ушла!...

И вдругъ, выглянувъ изъ воротъ украдкой, очутился на улицѣ; а потомъ, перескочивъ въ одинъ моментъ на панель проспекта, пошелъ мѣрнымъ шагомъ; но и мѣрный шагъ его продолжался не долго и ноги его приняли свое привычное движеніе: онъ то, какъ будто, прискакивалъ, то приостанавливался и съ робостію озирался на всѣ стороны. Наконецъ онъ остановился и, посмотрѣвъ на свои сапоги, сказалъ вполголоса:

«Эхъ вы скоростуны голубчики — поизноси—